

A painting of a young boy with brown hair, wearing a white tank top and orange shorts, running through tall grass. A small black and tan dog is running alongside him. In the background, there is a wooden house with a white roof and a wooden fence. The scene is set in a rural, green environment with trees and a cloudy sky.

Печинин Олег

Молитва
за меня,
или Игра судьбы

Олег Печинин

Молитва за меня, или Игра судьбы

«Издательские решения»

Печинин О.

Молитва за меня, или Игра судьбы / О. Печинин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900390-4

Одновременно с рождением у мужчины появляются вопросы, ответы на большинство которых он так и не найдет за всю оставшуюся жизнь. Опыт и знания не добавят ему ума, полученного при рождении, а Вера и Судьба только запутают его в поисках истины. С тем, что он получил и начал терять с самого появления на свет, он пойдет вперед. Ему помогут Любовь, Воображение и Фантазия, и чем дольше они будут сопровождать человека, тем ярче путь, который в итоге и окажется тем, что он искал — Смыслом жизни.

ISBN 978-5-44-900390-4

© Печинин О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Детство, счастливое и ужасное	6
Глава 2. Что ожидать от игровых? Ничего... хорошего	10
Глава 3. Смятение понятий	12
Глава 4. Больничное путешествие к Франсуа Мэнго	18
Глава 5. Единицы делают историю, подлецы ее пишут	23
Глава 6. Кто сорвался, того надо отпустить	24
Глава 7. Небесная подводная лодка	26
Глава 8. Вас выбрала судьба, пройдите	29
Глава 9. Изя как классика образа и африканцы в сахаре	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Молитва за меня, или Игра судьбы

Олег Печинин

© Олег Печинин, 2018

ISBN 978-5-4490-0390-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Детство, счастливое и ужасное

Старинный город на Средней Волге. Июль жаркого 1977 года.

На дороге, рядом с дореволюционными мещанскими домами, утопающими в зелени, гоняли в футбол пятеро пацанов.

За игрой наблюдали постоянные «болельщики» – две старушки и дед с клюкой, сидящие на большом трехметровом бревне, покрытом какими-то цветными накидками. На краю бревна пятилетняя девочка Надежда убаюкивала куклу.

Один из футболистов ковылял по полю в разрисованном фломастерами гипсе на голени: здоровая нога обута во вьетнамский кед, а загипсованная – в домашний тапочек без пятки, который постоянно слетал.

– Вешай! – закричал Нуштик Саньку.

– Машина едет!

Пацаны разошлись с дороги и ждали, пока проедет ГАЗ-66, но фургон с надписью «Аварийная» остановился прямо на «футбольном поле».

Из кабины прыгнул мужчина, отец играющих – восьмилетнего светловолосого Аркадия в гипсе и четырнадцатилетнего чернявого Григория, про которого говорили, что он «копия отца».

– Григорий, иди, поможешь.

Отец открыл заднюю дверь фургона, и вся ватага увидела бильярдный стол.

– Что это? – спросил Виталя, рыжий семилетка.

– Бильярд! – важно бросил на ходу пробегающий Гришка.

Кроме Гришки, никто не знал, что значит «бильярд».

Отец с Гришкой выдвинули стол из фургона, подхватили его и понесли к ближайшему дому.

– Мел прихватите.

Отец кивнул в сторону недорисованной машины на тротуаре, где лежал кусочек белого мела. Аркашка поднял его, хромая, как мог, рванул вперед и открыл калитку. Нуштик подскакал к «воротам», достал из дупла дерева горбушку белого хлеба, посыпанную сахарным песком и намоченную сверху водой, откусил и побежал за остальными.

Во дворе между плодоносящих деревьев находилась красивая беседка, посреди нее стоял большой круглый стол. На него и установили бильярд.

Тридцатипятилетний, с густой черной шевелюрой, Владимир Разумов относился к числу мужчин, которые долго на одном месте не задерживались. Он прекрасно играл на семиструнной гитаре и пел на нескольких языках, что с самой юности делало его дамским кумиром, причем сам он не только не прилагал усилий, чтобы привлечь внимание противоположного пола, но всегда исповедовал принцип «чем меньше девушек мы любим, тем больше нравимся мы им». Веселый хулиган и головная боль местной милиции – вот самое мягкое определение для него.

Отец катал бильярдные шары без номеров, размером чуть больше шариков от настольного тенниса, по зеленому толстому сукну и подкладывал игральные карты то под один, то под другой край стола, добиваясь хоть какой-то ровности.

– Пойдет. Попробуешь разбить?

Отец собрал пятнадцать шаров в деревянный треугольник, а оставшийся толкнул в сторону Аркадия. Взял кий, помелил школьным мелом между большим и указательным пальцами, наклейку и «змейкой» саму верхнюю его часть.

Аркадий повторил отцовские манипуляции, но разбивать не торопился: он не знал, как это сделать.

– Ладно, смотрите.

Отец с силой ударил по битку, и ровный треугольник разлетелся по всей поверхности стола. Один шар, отразившись от нескольких бортов, упал в среднюю лузу. Дети в тихом восторге.

– «Дурачок»¹.

Он снова ударил. Шар застрял в угловой лузе.

– «Тугие лузы»². Новый стол. Пробуй.

Аркадий находился в какой-то прострации. На него все смотрели, стол казался просто гигантским. Он размахнулся слишком сильно, ударил, кий пролетел рядом с шаром, лишь слегка задев. Шар откатился на десять сантиметров и встал как вкопанный. На глаза навернулись слезы. Аркашка попытался убежать, отец поймал его, и они вместе вышли из беседки в сад.

– Сын, ты мужчина, и тебе всю жизнь надо будет доказывать это.

Аркашка поднял заплаканные глаза и чуть кивнул.

Лето заканчивалось. Монотонный дождь, от которого клонило в сон, стучал по крыше беседки.

Кот Васька развалился на перилах, одним глазом наблюдая за происходящим. Тут же на полу лежал Филька, небольшая дворняжка, похожая на таксу, на год старше Аркашки. Филька следил за каждым движением Аркашки, в любую секунду готовый рвануться за хозяином.

Сам Аркадий весь последний месяц буквально жил у бильярдного стола. Шары еле катались по влажному сукну, часто застревали в лузах, на обеих руках появились мозоли, но Аркадий не замечал этого. Он мелил кий, как это делал отец, и бил, бил, бил. Он больше не хотел быть летчиком, он понимал, что хочет только одного – научиться играть в бильярд.

Отец обещал взять сына в настоящую бильярдную, туда, где стоят огромные столы с огромными шарами, Аркадий жил только этим.

Хлопнула калитка. Он увидел, как во двор буквально влетела мама и скрылась в доме.

Анфиса на три года моложе мужа, уральская казачка из дворянского рода священников, высокая, немного выше мужа, крупная, с запоминающимися чертами лица и темно-русскими волосами. В восемнадцать лет она ушла от родителей, чтобы остаться с Владимиром, которого не принимали в ее набожной семье.

Аркадий почувствовал неладное, побежал по саду, поскользнулся, упал в куст малины, быстро вскочил, на крыльце сбросил ботинки и исчез за дверью. Филька следовал за ним повсюду.

Мама появилась из-за платяного шкафа и посмотрела на грязные колени и ладони сына.

– Аркадий, ты упал? Сыночка, где болит?

Она бросила какую-то одежду в сторону, подошла к нему и ощупала всего с ног до головы.

– Не болит. Мам, что случилось?

– Переоденься, трико снимай, я в стирку кину. С папой случилось несчастье, он в больнице.

По тому, как она говорила, как собирала отцовскую одежду, мыло, опасную бритву, книгу «Амур-батюшка», которую он читал, было заметно: мама сама плохо понимала, что делала.

¹ «Дурачок» – шар, непредвиденно упавший в лузу.

² «Тугие лузы» – узкие лузы.

– Никуда не уходи, будь дома. Где Гришка? – она открыла холодильник. – Поешьте. Для кого я наготовила?

Выходя на крыльцо, мать споткнулась о вездесущего Фильку.

– Да что ты! Фильку не пускайте в дом с грязными лапами.

Аркадий быстро умылся, переоделся и кинулся вслед удаляющейся матери. Он не пустил Фильку за собой, толкнул его ногой и закрыл калитку.

Филька несколько раз прыгнул, пытаясь открыть запор, но у него в очередной раз не вышло: лишь к нескольким уже имеющимся бороздкам, оставленным собачьими когтями, прибавилось несколько новых.

Больница находилась буквально в пяти минутах бегом от дома, а так как Аркадий рос подвижным ребенком, дорогу до приемного отделения «Пироговки» он знал хорошо.

По коридору санитар вез каталку, на которой лежал отец – весь в каких-то трубках, с белым лицом, с закрытыми глазами.

Мама почти бежала за хирургом.

– Нож прошел рядом с сердцем, срочно возем на операционный стол. Пока сказать ничего больше не могу.

Хирург не смотрел на маму.

– Доктор, он будет жить?

Доктор остановился, бросил взгляд на мокрых Аркашку и мать.

– Принесите полотенце, – сказал он медсестре и удалился в операционную.

В отделение зашел друг отца Сергей. Было видно, что он чувствовал себя виноватым.

– Сергей, как это произошло, ты же был с ним?

Сергей, как на допросе, переминался с ноги на ногу, отдувался, но все же выдал из себя объяснение произошедшего.

– Да. Сидели в «Севере», выпивали, Володя играл на гитаре, пел. Все было спокойно. Тут мимо проходит какой-то черт, в руке нож. Молча размахивается, бьет в спину и убегает. Ванька-Шарик за ним побежал, но тот через стадион свалил и испарился.

– Вовка, ну как же так? Как же нам теперь быть? – мама смотрела в бесконечность, говорила тихо, постепенно переходя на движение губами, – Вовка, Вовка...

Ее взгляд просветлился.

– Аркашка!

Мама повернула голову к Аркашке, протянула руки, и он бросился к ней. Анфиса обняла его, прижимая к себе.

– Мам.

Операция продолжалась долго. Мать сидела, закрыв лицо руками, а Аркадий ходил по коридору, то и дело натываясь на страшные плакаты. На одном из них какой-то военный шел в черных очках и с инвалидным костылем. На плакате сверху было написано: «Не пей метиловый спирт», а внизу – «Древесный спирт – опасный яд». С другого плаката на него смотрел скелет в черном балахоне и с косою в руке, на балахоне угадывалась нечеткая надпись: «Холера».

Аркадий принес маме воды в граненом стакане.

Громко проскрипев, открылась дверь, пришел тот самый хирург.

– Мы сделали все, что смогли. Пока определенного ничего сказать не могу. Эта ночь будет решающей, – буднично отчитался он, явно делая это даже не десятый раз.

– Спасибо, – ответила мама.

Ночью отец умер.

Пролетела неделя после похорон. Мама, в темной кофте и черном платке, складывала вещи отца.

Пришел Сергей. Он вошел в гостиную дома Разумовых, прислонился к стене.

– Нашли этого выродка. Говорит – сидели в отдельном кабинете в «Севере», играли в карты. Он проигрался, ставить было нечего, кто-то предложил: если денег нет, играй на желание. Согласился, проиграл. Тот, кто выиграл, велел резать любого в большом зале и отправляться на зону. Ну, наш стол оказался ближе всего, подошел к Вовке, ткнул ножом и ходу...

Мать очень любила отца и двух сыновей, буквально жила для них. Когда умер отец, мать стала работать на трех работах, дети видели ее только спящей, лишь читали записки на столе, говорящие, что надеть, что съесть, что сделать. Иногда рядом с запиской лежала мелочь на мороженое.

Жизнь продолжалась, как бы не бессмысленно это звучало для покинутых.

Наступило бабье лето, закончились дожди, уставшие деревья переоделись и привели себя в порядок, солнце ранней осенью грело без тягостной жары. Это грустное время года навсегда стало самым любимым для Аркадия.

Пацаны играли в футбол. Виталя ударил мимо ворот, и мяч чуть не попал в пригревшихся на лежащем неподалеку бревне бабулек. В воротах стоял Аркадий, он побежал за улетевшим мячом, поднял его и направился мимо сидевших на бревне.

– Безотцовщина, – прошамкала в спину одна из старух.

Аркадию стало так обидно и тоскливо, что он не смог продолжать игру, бросил мяч и убежал домой.

Глава 2. Что ожидать от игровых? Ничего... хорошего

Время порою летит так, что едва успеваешь рассмотреть десятую часть мелькающих перед глазами картинок, но весна 1989 года тянулась долго.

Аркадий собирал бильярдный стол. Восемь ног и подстолье смонтированы, рядом аккуратно сложены шесть уже перетянутых бортов, на каркасе лежали пять каменных плит. Аркадий шпаклевал их автомобильной шпатлевкой.

Бильярдная еще не работала, но в пыльном, в побелке зале уже шла серьезная игра. Катали крупно, соперники одного возраста, за пятьдесят: Шатров, солидный мужчина, начальник крупного строительного треста, и Профессор – практически бомж, живущий в цирке. Бог дал ему необыкновенный бильярдный талант и, видимо, для равновесия, зависимость от алкоголя. Профессор мог за несколько дней выиграть четырехкомнатную квартиру в центре Москвы и через полгода проиграть ее в одну ночь.

Шатров всегда начинал в галстук, заправляя его под рубашку, но, если начинались проблемы, снимал и бросал его куда попало.

На застеленном газетой стуле сидел Гнида, мерзкий тип, ничего не понимающий в бильярде. Казалось, основным предназначением Гниды было сделать этот мир еще хуже. Перед Гнидой письменный стол, накрытый «Комсомольской правдой», бутылка армянского коньяка с тремя звездочками и нарезанный подсохший лимон на носовом платке. Профессор играл на деньги Гниды.

– Сколько играем? – спросил Шатров, снимая галстук.

Профессор посмотрел на часы через очки с толстыми круглыми линзами, похожими на увеличительные стекла от лупы.

– Так... Мы играем с десяти вечера, сейчас почти пять утра. Семь часов. Ну давай удвоим, пошел по пятьсот?

Шатров достал из портфеля почти пустую бутылку водки, допил из горла.

– Три партии по пятьсот и заканчиваем. Я сейчас имею полторы.

– Василич, иди выпей коньяка, – позвал Гнида.

– Не хочу коньяк, у меня водка есть еще.

На самом деле Шатров отказался, потому что хватало свидетелей того, как после угощения Гниды у играющего через полчаса начинали отказывать ноги, переставала соображать голова и напрочь пустел кошелек.

Через несколько месяцев Гниду убьет дезертир, сбежавший из Советской Армии и скрывавшийся полгода у него дома. Убьет зверски, с какой-то необъяснимой жестокостью и пытками.

Они играли, а Аркадий продолжал собирать стол.

В десять утра Аркадий закончил и подошел к играющим.

Профессор расставлял пирамиду.

– Играйте последнюю партию и пошли.

Шатров вновь сунулся в портфель за бутылкой, сделал пару глотков, достал кусок черного хлеба с салом, завернутый в салфетку и занюхал.

– Ну, тогда надо укрупнить и сыграть последние две партии.

– Нет, Василич, хорош, я спать.

– Аркадий, дай сыграть две партии – и всё. Я обещаю, что последние.

Аркадий только отмахнулся.

Они сыграли еще несколько «последних» партий. В два часа дня, когда последняя бутылка была допита, все собрались на выход.

– Василич, вы должны прислать мне кое-какую сумму.

Шатров доставал кием галстук из-под бильярдного стола.

– Аркаш, ну ты сам видел, Профессор отбился, у нас вышло по нулям, что я тебе могу прислать?

– Меня мало волнует, кто у вас отбился, я у тебя в займы не прошу. Вы играли на моем столе пятнадцать часов – гоните хотя бы двадцать рублей.

– Аркадий, ну ты же нас знаешь, занесем, когда откроешься.

– Знаю, конечно. Ну ладно, оставлю я вас еще хоть раз. Пошли.

Аркадий ждал, когда из бильярдной выйдет пьяный Гнида.

– Ну, ты не прав, парень.

Аркадий ему не ответил, а только зло посмотрел.

Глава 3. Смятение понятий

Пролетел год.

Типичная бильярдная девяностых, где главное – не изыски кухни и качество столов, а их наличие, работала как следует, очередь на ее четыре стола не иссякала, а желающих приобрести к загадочному миру бильярда становилось все больше. Игроки «сводились», «разбирали столы» еще до открытия и ждали, когда придет Аркадий, недовольно бурча, если тот опаздывал к полудню. Цена в полтора рубля за час игры не останавливала «заболевших». Аркадий уходил из бильярдной только поспать, работая и за директора, и за бухгалтера, и за охранника, и за уборщика, ремонтировал столы, кии, при этом тренируясь и играя каждую свободную минуту.

Аркадий – выше среднего роста, светловолосый, двадцатидвухлетний мужчина с умными глазами и похожий на мать. Он прямолинеен и не склонен к компромиссам. Работая ежедневно с множеством людей, он не любил общение, но свободно мог говорить часами. Тысячи знакомых, но нет близких друзей. Неудивительно, что Аркадий уже успел устать от такой работы, но старался не думать об этом, выполняя свое дело.

– Слава, уснул, что ли? Бей, или давай бросим эту возню.

Слава Художник, творческая натура, любил подумать перед каждым ударом, да и трезвым никогда не играл. Слава имел манеру после удара отклоняться и делать не глядя несколько шагов назад, сбивая стулья или людей. Если бы не пил, выглядел бы на свои пятьдесят.

– Бью уже. Ты специально мне под удар бухтишь?

Художник присел, посмотрел на шары с разных углов, встал, прицелился и ударил. Шары покатались, а Слава начал отклоняться, пошел спиной назад, пока его не «поймал» Лёва Американчик.

– Привет, Лёва, – Художник поздоровался с Американчиком.

Лёва протянул руку, было видно, что Американчик «на взводе» и не склонен к лишнему общению.

– Мимо, – выдавил из себя Американчик, пожимая ладонь.

Аркадий пытался вывести Художника на большой куш и нарочно проигрывал ему три партии по четвертному.

– Аркаша, уступи нам с Утконосом стол, у нас сведенная игра. Все столы заняты, – Лёва произнес слова в приказном порядке.

Аркадий осмотрел зал: в ближайшее время столы не освобождались. Он знал безумный характер Американчика, но сам «подгорал» не на мелкую сумму. Аркадий отвел его в сторону.

– Лев Андреич, я «горю» Славе. Дай мне час, я укрупню, откусаюсь, спрыгну, и стол твой.

Американчик всегда принимал уважение за слабость, а добрых людей за трусов, пытаясь подчинить их себе. Ему уже семьдесят с лишним, фронтовик, раньше сильно катал в бильярд, карты, нарды. Старый беспредельщик, который прямо в бильярдной, на глазах у всех мог достать нож и пырнуть любого, с кем не нашел общий язык, поэтому ему многие уступали, прощали и «подкармливали» деньгами.

– Ты вообще по понятиям не должен играть, когда есть клиенты на столы.

– Я не хочу с тобой спорить. Дай мне отбиться, отдам стол.

Аркадий легонько толкнул старика в сторону, чтобы подойти к столу.

Крупные черты физиономии Лёвы мгновенно выстроились в угрожающий порядок.

– Ты кого толкаешь, щенок?! Я тебе башку отрублю!

Американчик сделал несколько невнятных движений, оттолкнул Художника и на полусогнутых ногах убежал из бильярдной.

Рядом с Аркадием появился внушительный мужчина Коля Слон. Слону сорок с небольшим, он наркоман, рецидивист, картежный аферист, «работавший» в аэропорту.

– Сваливай, сейчас прибежит с топором. Я те говорю. Я прошлым летом играл в парке в деберц, он лез с языком, я его раз заткнул, два.

Слон начал свой рассказ.

Жаркое лето, солнечно. Городской парк культуры и отдыха «Струкачи».

Коля «горел» в карты Герке Фокину. Американчик после подсчета очков критиковал игру Слона.

– Я думал, ты плохо играешь, а ты вообще не соображаешь.

Слон, сидя на скамейке, повернулся, поднял голову на стоящего в метре Американчика.

– Хорош комментировать. Не мозоль глаза, сдерни отсюда, петух старый.

Слон пантомимой продолжал свой рассказ, показывая, как ищет взглядом Американчика.

– Ну, он испарился. Сидим, катаем.

Слон и Герка продолжили игру. Рядом еще несколько человек играли в карты, нарды, шахматы, «железку».

Герка по привычке воробьем крутил головой.

– Колёк, каюк тебе пришел. Американчик бежит с наганом, – негромко произнес Герка.

Игровые старики вскочили из-за стола и стали разбегаться в разные стороны.

Слон метался, изображал, как пытался спастись от выстрела.

– Подбегает, достает ракетницу и с пяти метров стреляет. Я рукой закрылся. Только рубашку новую купил, рукав целиком сгорел, – закончил свой рассказ Коля.

– Ну, что делать? – спросил Аркадий.

Слон и Аркадий обсуждали проблему рядом со столом, за которым Каменщик «горел» Гололобому в кегли³.

Каменщик сделал удар. «Чужой»⁴, отразившись от длинного борта⁵, сбил кеглю в 30 очков и «замазался»⁶. Он, вынужденный играть через борт абриколем⁷, снова ударил, попал в чужой шар, – но после соударения биток⁸, прокатываясь, сбил маленькую кеглю стоимостью в пять очков.

Гололобий, громкоголосый человек неопределенного возраста, но точно больше полтинника, с вечной шляпой на затылке, пробасил:

– Штраф. Тридцать пять на гору.

К черной доске подошел Каменщик, стер тряпкой число «240», и написал «275». Рядом было написано «45», это очки Гололобого.

Каменщик – аферист, бывший напарник Слона примерно одного с ним возраста, – играл слабо, для убийства времени, и за бильярдным столом был скорее жертвой, чем хищником, поэтому крупно никогда не играл. Он внимательно выслушал диалог издали, а затем подошел с предложением.

³ **Кегли** – игра на русском бильярдном столе, где игроки поочередно должны сбивать дуплетом семь деревянных столбиков (или кеглей) разной высоты и разной стоимости.

⁴ **«Чужой»** – шар, по которому после удара попадает биток.

⁵ **Длинный борт** – бильярдный стол имеет прямоугольные пропорции. Каждая длинная часть состоит из двух половинок, которые вместе и образуют длинный борт.

⁶ **«Замазаться»** – положение битка, когда невозможно попадание по чужому шару напрямую.

⁷ **Абриколь** – когда шар ударяется сначала в борт, а затем в шар.

⁸ **Биток** – шар, по которому наносится удар кием.

– Давай двадцатку, я его встречу на входе в ОДО. Засвечу бабки, приглашу в Офицерское кафе, он нажрется, я его до дома провожу. Завтра проспится, останется злой на тебя, но зарубить уже не захочет. Я у него топор заберу.

– «Дорога»⁹, – тем временем объявил Гололобый.

Все посмотрели на Гололобого. Он сильно ударил дуплетом¹⁰ от короткого¹¹ борта, и «чужой», отразившись от двух коротких, свалил почти все кегли, кроме одной маленькой.

– Сотня. Я закончил, отыгрываюсь¹².

Гололобый поставил все кегли на места и тихонько толкнул кием «свой» шар. Тот довел «чужого» до борта, ничего не сбив.

– Партия. Двадцать семь рублей пришлите, пожалуйста, молодой человек, – обратился с настойчивой просьбой Гололобый к Каменщику.

Аркадий достал из кармана тошную пачку денег, отсчитал четыре «пятерки» и протянул Каменщику, который сразу передал деньги победителю.

– Приду... – сообщил Каменщик присутствующим и ушел.

Гололобый, базарный мужик, зло посмотрел на уходящего Каменщика, но промолчал. Он только трижды громко кашлянул, достал из кармана брюк платок, плюнул в него, сложил и сунул обратно.

– Аркаша, никогда не доверяй тому, кто сидел. А если он сидел два раза – беги от него прочь, – посоветовал Коля Аркадию, косясь на Гололобого, но имея в виду Каменщика.

– А ты сколько раз сидел? – улыбаясь, спросил Аркадий.

– Три.

Каменщик не обманул: все прошло в точности по его плану. Аркадий и Американчик после того случая не общались и не здоровались полгода.

В тот же день, поздно ночью, после закрытия бильярдной.

Аркадий, Михаил и Рома Коровкин шли по улице, разговаривали и пытались поймать машину.

Рома лет на десять старше друзей, бородатый, с большими с детства ногами, которые он подволакивал, чудесный, добрый, бесхитростный человек.

Михаил – ростом за два метра, профессиональный баскетболист.

Автомобилей почти не было, да и те, что проезжали, не останавливались.

– Мы так до утра будем голосовать, околеешь тут, – Аркадий поднял воротник куртки.

– Сейчас чего-нибудь тормознем, – оптимистично высказался Михаил.

– Давай примажем: мы остаемся ловить машину, а ты беги. Если раньше нас добежишь до светофора возле кондитерского – ты выиграл, – предложил Аркадию Рома. Аркадий посмотрел на приятеля.

– Куш?

– По четвертаку с носа, – ответил Рома, оглянувшись на Михаила. Тот утвердительно кивнул.

Аркадий взгляделся в даль темной дороги: машин не виднелось.

– Годится, – ответил он и сразу рванул вперед. Побежал довольно быстро, насколько позволяли теплая осенняя куртка и лужи. Скорости ему прибавила собака, которая выскочила из подворотни с лаем и попыталась ухватить за штанину. Аркадий вильнул, уходя от нападения, и пробежал по глубокой луже. До светофора оставалось метра три, и Аркадий уже почув-

⁹ «Дорога» – самое выгодное для набора очков расположение шаров на столе при игре в кегли.

¹⁰ Дуплет – удар, после которого чужой шар ударяется о борт и направляется в сторону лузы.

¹¹ Короткий борт – бильярдный стол имеет форму прямоугольника. Две короткие стороны состоят из коротких бортов.

¹² Отыгрываться – в «кеглях», после того как игрок закончил партию, он должен произвести завершающий удар, при котором нельзя набирать очки.

своим вкусом победы, когда мимо него проехала «Жигули-Пятерка», из окон которой по пояс высунулись Рома и Михаил, они махали руками и дико кричали:

– Ааа-а-а!

Машина скрылась. Аркадий стоял по колени мокрый, провожая ее взглядом.

Рядом с Аркадием остановился желтый милицейский уазик, из которого вышел невысокого роста, располневший милиционер предпенсионного возраста.

– Здравствуйте, сержант Угаров, ваши документы.

Аркадию хотелось наговорить сержанту гадостей, но он сдержался. Все же неплохо было бы сегодня уснуть дома, а не в «обезьяннике». Аркадий достал паспорт и передал милиционеру.

– Аркадий Владимирович, куда торопимся, зачем бежали, что делаете ночью на улице?

– Иду домой, после работы, бежал вон от той псины, которая хотела меня покусать.

С десяти метров на них смотрела жалостливыми глазами большая помесь овчарки с кем-то.

– Ей что, больше делать нечего? – поинтересовался милиционер, возвращая паспорт.

– Я не стал спрашивать, – без эмоций ответил Аркадий.

Милицейская машина тронулась с места, прибавляя газ, а милиционер посмотрел на собаку, хлопнул рукой по двери через открытое окно и отвернулся. Собака с лаем сорвалась с места, за пару секунд догнала машину, подпрыгнула и едва не цапнула милиционера за руку. Милиционер резко убрал руку и задвинул стекло.

Аркадий, выдавив улыбку, повернул за угол и остановился как вкопанный, улыбка мигом слетела. Прямо на него шли Каменщик и Лёва-Американчик, – вернее, Каменщик вел под руку вдребезги пьяного Американчика, у которого на руке повис парусиновый мешок с торчащими из него разборным кием и топорищем. Они были настолько пьяны, что просто прошли мимо, даже не заметив уступившего им дорогу Аркадия.

– На тихом ударе выхода¹³ можно делать только через средние лузы. Это закон. Слышишь, шпана?

– Нее-е-е... бзди, – только смог произнести Каменщик.

На следующий день Аркадий зашел в бильярдную, достал из кармана мятые деньги, сложил два четвертака и наколот их на торчащий из стены ржавый гвоздь без шляпки.

Около «включенного» бильярдного стола стояли три человека, всем по шестьдесят с лишним. Один из них, Красномордый, пытался забить подставку обводным¹⁴ ударом по длинному борту. Он задирал турняк¹⁵ вверх, несколько раз бил, но то выходил кикс¹⁶, то дуга¹⁷ получалась небольшая и не могла помочь его шару обойти три других, поставленных около средней лузы.

Красномордый тыкал наклейкой¹⁸ кия в побелку на стене.

В бильярдную зашел Ефим Маховик. Ему около тридцати, он типичный бильярдный лжетренер. Помимо бездарности, в нем есть и все остальные необходимые для счастья качества: абсолютное бесстыдство, наглость и лживость. «Играй в свою игру» – универсальный совет такого «тренера» на все случаи жизни. Конечно, при нем всегда имелся заветный фотоальбом, где на каждом снимке он в обнимку со всеми известными и неизвестными чемпио-

¹³ **Выход** – результативный удар, после которого шар выходит на удобную позицию.

¹⁴ **Обводной** – удар, нанесенный в край битка, после которого шар идет не по прямой, а отклоняясь, обходит препятствие.

¹⁵ **Турняк** – толстая часть кия с грузом.

¹⁶ **Кикс** – неудачный удар кием по битку, когда наклейка соскальзывает с шара.

¹⁷ **Дуга** – удар, нанесенный в верхнюю часть битка так, что после соударения с «чужим» биток идет в лузу не по прямой траектории.

¹⁸ **Наклейка** – круглый кусочек кожи, наклеенный на верхнюю часть кия. Перед ударом для предотвращения кикса наклейку необходимо помелить бильярдным мелом.

нами, на радостях от победы готовыми «щелкнуться» с любым желающим, и детьми в жилетках с их доверчивыми, понимающими в бильярде еще меньше него, готовыми на все ради своих чад родителями. Еще одной отличительной чертой Маховика был всегда сопровождавший его запах. Вероятней всего, он просто никогда не мылся. По запаху в бильярдной можно было сразу определить, что он здесь или только что был.

– Здорово, народ! – его приветствие осталось без внимания. – Не тот угол берешь, надо почти 80 градусов. Дай-ка кий.

Маховик отобрал кий у Красномордого, высоко задрал турняк, сильно ткнул по шару, «киксанул» и прорвал сукно. Дыра, в виде угла, получилась не малая – сантиметров двадцать.

– Ё-о-о-о-о, – взвыл Редкозубый, хватаясь за голову и приседая.

Маховик как ни в чем ни бывало протянул кий Красномордому.

– Ты вообще наклейку не мелишь?

Редкозубый подозвал к столу Аркадия.

– Ну и что ты хочешь сказать? Стол брал ты, – значит, перетягивать будем за твой счет.

Редкозубый сделал болезненно-удивленное лицо.

– Это хренов тренер, криворукый, порвал сукно.

– Ты за словами следи. Можешь пожалеть потом, – прошипел Маховик и добавил в сторону Аркадия, не глядя в глаза: – У вас тут сукно старое, протертое, потому и порвалось. К вам люди ходят, а вы столы не держите в порядке.

Аркадий сурово взглянул на Маховика.

– Так, пока не заплатишь за порванное сукно, вход в эту бильярдную тебе запрещен.

Маховик попятился к выходу.

– А что ты сделаешь, если я приду? Я тебе устрою маски-шоу, жучков тебе понаставят, я эту шарагу прикрою.

Аркадий уже отвернулся от Маховика и осматривал порванное сукно.

– Зачем вы ему кий дали? Сукну три месяца.

– Аркаш, он же тренер федерации.

– Губошлеп, какой федерации? Ну вы взрослые люди же! Он больной на всю башку и ничего в игре не соображает. Он же только на выключенном столе может играть. Ну, сукно-то я склею, но все равно будет шар сводить¹⁹.

К Аркадию подошел Доход. Посмотрел на сукно.

– Кто это так сильно бьет? – Не дожидаясь ответа, взял Аркадия за локоть и отвел от лишних ушей в сторонку. – Слышал я, что к тебе скоро придут.

– Кто?

– Ну эти... типа спортсмены. А что ты хочешь, сейчас многие начинают платить. Менты же тебе не помогут, если подрежут – искать никто не будет. Я могу побазарить за тебя, если скажешь.

Доход, профессиональный карманник «на пенсии», зимой вместе с десятком других стариков сидел в бильярдной целыми днями, ставил небольшие «мазы»²⁰, удачно играл в «железку»²¹, а летом обитал в городском парке среди картежников, шахматистов и нардистов.

В бильярдной мелькали воры разных мастей, но никто никого не напрягал, кодекс «где я отдыхаю, там не работаю» все еще соблюдался неукоснительно.

– Доход, ты же блатной, сидевший, вы же из разной жизни. На них даже наколок нет.

¹⁹ Сводить – обычно из-за неровности игрового поля шар при движении меняет свою траекторию.

²⁰ «Мазы» – ставки.

²¹ «Железка», или «жмен» – азартная игра, в которой соперники зажимают в руке бумажные купюры, указывают выбранные ими цифры из серийного номера, а потом считают. Побеждает и забирает обе купюры тот, у кого сумма больше.

– Я старый, мне можно. Я понимаю, что их скоро не будет, а мы останемся, но это время надо как-то перекантоваться. И вам, и нам. А пока они в общак присылают – поживут дольше.

– Не надо, Доход, я сам разберусь, спасибо.

– Смотри, а то могут пугануть так, что потом на пилюли работать будешь.

Аркадий ничего не ответил. Вернулся к столу и лезвием аккуратно начал срезать торчащие из разрыва шерстяные нитки.

Через два дня в бильярдную зашли двое отморозков, которые вряд ли были способны пару раз подтянуться. Они озирались, будто ожидая засады.

Киргиз, огромный детина с прищуренными глазами, который, похоже, и в самом деле был киргизом, подошел к Редкозубому, стоящему в метре от Аркадия.

– Слышь, кто тут банкует?

Редкозубый перевел взгляд на Аркадия. Тот отреагировал:

– Поиграть хотите?

– Ну типа... Разговор есть. Пломбир ждет.

Аркадий посмотрел на Пломбира и подошел к нему.

Как часто бывает, главным в бригаде оказывается совсем тщедушный, но способный на дерзость и деловой разбор браток.

– Аркадий.

– Станислав. Твое заведение?

– Арендную.

– За тебя люди хорошо говорят, поэтому мы с тобой не как с барыгой разговариваем. Тебе что, надо на каждый шорох дергаться? Район наш, бычья немерено. Мы и с «синими» решим, если какой базар – сразу приедем, разберемся. Бухгалтера дадим, она каждый месяц сама будет нам двадцать процентов от прибыли заносить.

Аркадий отошел на метр к старому письменному столу, отодвинул ящик, в котором лежал сапожный нож, несколько кусков кожи для изготовления наклеек и пачка «Родопи». Он взял одну сигарету.

– Я понял, пацаны. Не настолько у меня крутое дело, чтобы еще долюшку отсылать. Спасибо за заботу.

Пломбир начал чесать правой рукой сжатую в кулак левую.

– Твоя жизнь, тебе решать. Если будем кого прессовать у тебя в бильярдной, сиди не дергайся. Тебе сказали, кто рулит в этом районе. Дай сигарету.

Аркадий достал из стола и протянул всю пачку.

– Этого тоже обещать не могу, хотите с кем разбираться, делайте это на улице. Менты за бильярдной постоянно следят, и клиенты есть, которые стучат. За стеной штаб округа, наверняка всё здесь в жучках, может, и сейчас нас пишут.

После этих слов подельники посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, направились к выходу.

– Не, я такие не курю, – бросил Пломбир.

Глава 4. Больничное путешествие к Франсуа Мэнго

Под самый Новый год Аркадий возвращался домой поздно ночью.

Уставший, он зашел в лифт – и в ту же секунду две руки с милицейскими дубинками обрушились на его голову, а еще одна пустила газ из баллончика.

Пару секунд был шок, газ помутил сознание, движения замедлились так, что Аркадий как бы наблюдал за собой со стороны.

Два часа ночи, трое людей общим весом около 300 кг сотрясали панельную многоэтажку. Дом дрожал, как во время землетрясения, но никто не вышел, ну их и не звали.

– Суки, шестерки вонючие! – крикнул Аркадий.

Он пошел на них в темноту, несколько раз довольно сильно попал, хотя практически ничего не видел. Одно веко было разорвано и полностью закрывало глаз, второй принял на себя прямую струю газа из баллончика.

Нападавшие не смогли свалить Аркадия, чтобы добить лежащего, поэтому явно растерялись, когда он встал в темном углу, будто медведь в берлоге, и замахал руками и ногами, как сломанная мельница.

Один из бандитов схватил напарника за плечо и потащил к выходу. Нападавшие выскочили на улицу и бросились к темно-бордовой «Ладе-Девятке».

Аркадий, шатаясь, появился из подъезда.

– Стоять, твари!

Он попытался догнать убегающих, но полученные повреждения и модельные туфли не по сезону на кожаной подошве подвели, Аркадий поскользнулся, взлетел ногами вверх и грохнулся на спину, ударившись головой о скользкий притоптанный снег.

Через полминуты он открыл глаза, перевалился на бок и поднялся.

Нападавшие скрылись.

Аркадий осмотрел место битвы, зашел в залитый кровью лифт и поднялся на свой этаж.

Он позвонил, дверь распахнулась, на пороге появилась Надежда. За долю секунды ее улыбавшееся лицо перекосилось от ужаса, она вскрикнула, подхватила Аркадия и провела в квартиру. Аркадий поискал взглядом, куда бы сесть. Надежда подставила ему стул и начала суетиться, не зная, что делать.

– Сходи на первый этаж, посмотри, может, что там есть. Надь, иди, иди, я сам разденусь.

Аркадий начал раздеваться, на пол закапала кровь, верхнюю одежду он кинул на стул.

Надежда ушла и быстро вернулась с парой пуговиц и милицейской дубинкой. Тут же принесла полотенце и обернула голову Аркадия.

Платная скорая помощь приехала через десять минут.

В дверь позвонили.

– Открыто, заходите! – крикнула Надежда.

В квартиру вошли медсестра и врач с пластиковым чемоданом.

– Что произошло? – разглядывал он Аркадия. – Мы обязаны сообщить в милицию.

– Вызвали милицию, – сообщила Надежда.

– Столкнулся с демонами, – Аркадий постепенно начинал что-то сообщать.

В приемном покое дежурный врач долго не мог прийти в себя. Судя по запаху, он недавно выпил чего-то крепкого и прилег отдохнуть, но опыт работы в любом состоянии брал свое.

После заполнения необходимых документов врач провел Аркадия в соседнюю комнату и указал на древнюю кушетку, обтянутую коричневым кожзамом.

– Обезболивающих нет, к сожалению, скатайте полотенце и зажмите зубами. Постараюсь зашить быстро.

Он начал брить голову Аркадия.

Через двадцать минут врач отошел от сидящего на кушетке пациента.

– Кожа толстая, как у слона, еле иглой протыкаю. Две больших раны оформил. Пойдем перекурим?

Аркадия трясло, зубы щелкали, как у волка из сказки, силы были на исходе.

– Пошли, только я без сигарет. Сколько всего будет шрамов?

– «Приму» будешь? – врач протянул сигарету. – Шесть, но четыре мелкие, их почти не видно будет потом.

Через час дежурная медсестра проводила Аркадия в палату, включила свет, сделала укол и накормила таблетками.

Лежащий на соседней койке больной поднял голову.

– Выключи свет! У вас что, больше нигде ночью жопы колоть?

Дежурная медсестра не ответила и накрыла Аркадия одеялом.

– Отдыхайте, – негромко сказала она и повернулась к соседу: – Отудобел? Как не совестно, два дня назад вас привезли под утро – помните, какой концерт тут устроили? Или рассказать?

Сосед спрятался под одеяло. Медсестра погасила свет и ушла.

Аркадий улегся в койке с чувством облегчения. Его оставили в покое, из-под бинтов виднелся один глаз, который почти не видел, голова полностью перевязана, – боль отступила, лишь колотило ознобом и невозможно было согреться.

Аркадий неторопливо огляделся вокруг. Он стоял посреди французского дворца в компании превосходно одетых мужчин и женщин в одеждах начала XIX века.

В зале светло, окна огромны, на дворе яркий солнечный день.

– Пожалуйста, ваш удар, месье, – маркер протянул ему странный кий с белым кончиком.

«Три шара, стол без луз... Карамболь²², не иначе», – подумал Аркадий и произнес вслух:

– Скольких бортов должен коснуться мой шар?

– Три борта, месье.

Аркадий сделал удар с небольшим правым винтом²³. Шар после соударения с прицельным коснулся трех бортов и тихо «прилип» к шару с точкой.

Аркадий с интересом наблюдал, как маркер, похожий на маляра, обмакивал в ведро с жидким мелом палки, являющиеся прародителями современных киев, и ставил их сушиться в деревянную стойку.

Резной бильярдный стол великолепен, сукно несколько поистрепано, хотя, возможно, это мел засыпал игровую поверхность, придав ей несвежий вид.

Массивное сооружение над столом, на котором располагалось несколько десятков потушенных стеариновых свечей, давало освещение в темное время суток.

– Отличный удар, месье. Разрешите представиться: капитан Франсуа Мэнго²⁴. Я вижу, вы недурно понимаете карамболь. Странно, почему мы раньше не встречались.

Аркадий соврал, оборачиваясь на голос:

– Я только что прибыл из... Луизианы.

Ему поменяли кий, и второй удар получился не менее красивым.

²² **Карамболь** – игра на безлузном бильярдном столе тремя шарами.

²³ **Винт** – удар кием в край битка, при котором шар получает вращение вокруг своей оси.

²⁴ **Франсуа Мэнго** – французский боевой офицер, воевавший на стороне Наполеона, игрок, который изобрел и первым стал применять кожаные наклейки.

Третий раз «свой» шар прокатился совсем рядом с «чужим», карамболя не вышло. Мэнго на вид не более сорока, хотя, возможно, его молодили военная выправка и отсутствие живота.

– Могу представить, что вы будете вытворять моими кожаными наклейками.

– Готов попробовать, месье.

Мэнго раскрыл ладонь и показал три серо-голубых кожаных кружочка.

– Позвольте?

– Конечно, – Мэнго протянул раскрытую ладонь ближе к Аркадию. – Это кожа зрелого оленя.

– Превосходно, месье.

– С большим удовольствием завтра представлю вам мое изобретение, месье, и составлю компанию за карамбольным столом. Сейчас же прошу позволения откланяться. Разболелась нога, видите ли.

– Что случилось, месье? – участливо спросил Аркадий.

– Не беспокойтесь, это старая боевая рана и подарок от Наполеона Бонапарта за верную службу. – Он остановился и кивнул в сторону партнера Аркадия по игре. – Опасайтесь этого вояку, майора Дуга²⁵. Прескверный тип с манией величия, он уверен, что является лучшим не только здесь, в Тулузе, но и во всей Франции. Я вызвал его на крупную игру, но, похоже, не дождусь ответа.

Аркадий посмотрел на соперника: майор Дуга выглядел внушительно и лет на десять старше Мэнго.

Дуга, стоящий метрах в шести от них, выпустил клуб сигарного дыма и улыбнулся, будто прекрасно слышал слова Мэнго.

– Хорошо, что не на дуэль, месье, – сострил Аркадий.

– Думаю, до этого не дойдет. Майор делает одну серьезную ошибку: когда он играет, то думает о деньгах. И чем больше франков на кону, тем менее он искусен.

Аркадий внимательно слушал, прекрасно понимая, о чем идет речь.

Тем временем майор Дуга бросил на Мэнго жесткий взгляд и нанес неудачный удар: мел с кончика кия разлетелся, и карамболя не получилось.

Маркер степенно подошел к столу и небольшой щеткой начал сгонять мелкие белые крошки в одну кучку.

Пять казенных кроватей с растянутыми пружинами – форменный гамак. Если под матрас не положить широкую, размером с дверь доску, утром будет болеть все, что может болеть.

Тумбочки с едой, чайники, радиоприемники, широкий подоконник, забитый одеждой. Свой мир, в котором пациенты травматологического отделения осознают многое.

Аркадий говорил во сне:

– Месье, почему такой яркий свет над столом?

Рядом с его кроватью остановилась женщина в белом халате.

– Поднимаемся, месье, сейчас будет осмотр и утренний прием лекарств.

Аркадий проснулся, яркий свет ослепил неперебинтованный глаз, голова болела сильнее, чем после хорошего банкета, где, бывало, перемешивалось все, и горящее, и сухое.

Аркадий думал с закрытыми глазами:

– А как же кожаная наклейка Мэнго? Хотелось бы ее попробовать.

– Меня зовут Анна Николаевна, я ваш лечащий врач. Как самочувствие, полегче? – представилась и задала дежурный вопрос доктор.

²⁵ Майор Дуга – один из сильнейших французских игроков в карамболь времен Наполеона, который одним из первых начал применять удары с различными винтами еще до появления кожаной наклейки.

Аркадий вяло открыл один глаз.

– Да, доктор, можно на выписку, я полностью зашит и излечен.

Анна Николаевна улыбнулась.

– Вот и хорошо, что у вас осталось чувство юмора, сейчас сделаем перевязочку и посмотрим, насколько все хорошо. Может, вам зашили что-то лишнее, – она сделала серьезное выражение лица. – Одно хочу сказать уже сейчас: у вас серьезные проблемы с левым глазом, и отсюда вас переведут в глазное отделение.

Когда дежурная медсестра, сделав утренние уколы, дала Аркадию таблетки, перевязала голову и направилась к выходу, в палату вошел человек, остановил медсестру, что-то спросил и направился к койке.

– Здравствуйте, я из районного УВД, старший лейтенант Алимов Алексей Дмитриевич. Вы Аркадий Владимирович Разумов?

– Да.

– Дело в том, Аркадий Владимирович, что на каждый случай, подобный вашему, заводится дело, и мы обязаны его расследовать. Вы можете рассказать, что произошло?

Аркадий рассказал о том, что помнил.

– Вы можете описать внешность нападавших, помочь в составлении фоторобота?

– Они были в масках, в темных куртках. Вот все, что я запомнил. Моя жена подобрала дубинку.

– Мы были у вас дома, разговаривали с Надеждой Павловной, она передала нам всё, что вы собрали на месте. Вы кого-то подозреваете?

– Нет.

– А подозревали – сказали бы? Аркадий Владимирович, признаюсь честно: такие дела практически не раскрываются, если нападавшие не задержаны сразу, по горячим следам. Все, что мы можем сделать, – пройтись допросить ваше окружение, ваших знакомых, друзей, людей, с кем вы последнее время контактировали. Вам нужна такая огласка? Аркадий Владимирович, нам этот висяк тоже не нужен. У меня с собой готовый протокол дознания, в котором вы объясняете произошедшее несчастным случаем. Поскольку вы скользнули на скользкой дороге и упали. Думаю, так будет лучше и вам, и нам. Прочитайте.

– Где расписаться? А, вижу.

Аркадий подписал протокол.

В палату зашла Надежда.

– Здравствуйте, – поздоровалась она со всеми в палате.

– Здравствуйте, – вразнойой прозвучало в ответ.

– Доброе утро, Надежда Павловна. Аркадий, выздоравливайте. До свидания, – дознаватель ретировался с тем чувством выполненного долга, которое знакомо только таким, как он.

Надежда прошла и села на край койки.

Почему-то именно сейчас Аркадию бросилось в глаза, как она красива. Ее длинные, черные, «цыганские», выющиеся волосы, ее глаза цвета моря в хорошую погоду, классически правильные черты лица...

Аркадий и Надежда были знакомы всю сознательную жизнь, которая давно объединила их в одно единое, невозможное друг без друга целое.

– Как ты? Пойдем покурим? – предложил он.

– Куда ты пойдешь, ты себя видел? Лежи.

– Да перестань, ладно. Дай-ка я встану.

– Я тебе суп куриный принесла, горячий, поешь, потом покурим.

Аркадий уже вставал с кровати.

– Тошнит, потом поем, пойдём, курить охота. Ты сигареты принесла?

– Я тебе почти полную пачку оставлю, возьму себе пару штук. Вечером принесу еще. Что тебе привезти?

– Почитать что-нибудь привези. Евтушенко.

Они прошли на первый этаж, где на стене от руки черной краской было написано: «Место для курения», а рядом с помощью трафарета красным выведено: «Не курить!»

Аркадий сел на лавку и закурил.

– Что дома?

– Тишина пока. Вчера тебя увезли, я лифт отмыла, весь первый этаж, и на улице снег с кровью соскребла. Кто на тебя напал, знаешь?

Аркадий отрицательно покачал головой.

– Нет.

Глава 5. Единицы делают историю, подлецы ее пишут

Прошло две недели. Аркадий в бейсболке и темных очках появился в Доме офицеров. Вахтерша поздоровалась с ним с каким-то фальшиво-радостным выражением лица.

Аркадий подошел к двери в бильярдную. Она была опечатана, несколько свежих досок говорили о недавнем ремонте.

На следующий день Аркадий стоял в большой приемной командующего округом. Через полчаса секретарша обратила на него внимание, хотя ей никто не звонил.

– Проходите.

Аркадий прошел в кабинет, где за столом сидел генерал-полковник.

– Здравствуйте. Моя фамилия...

– Знаю я вашу фамилию. Я приказал закрыть ваш рассадник не только потому, что три дня назад мы вынуждены были поднимать вооруженный караул, чтобы прекратить драку ваших клиентов. Мне не нравится вся эта шушера, которая ошивается в бильярдной, все эти наркоманы и картежники. Наш Дом офицеров показательное военное учреждение, здесь нет места вашему сброду.

Аркадий хотел объяснить, что бильярдная не работала две недели, но генерал так и не дал вставить слово, замахал рукой.

Уже выходя из кабинета он услышал голос генерала:

– Таких, как вы, я бы прилюдно порол на площадях.

Позже генерал прославится на всю страну попыткой стать президентом России и антисемитскими высказываниями.

Проходя через холл Дома офицеров, Аркадий увидел, что ему машет рукой директор кафе Рида Павловна.

– Здравствуй, Аркаша. Ты от генерала?

– Здравствуйте, Рида Павловна. Да, получил отставку. Даже не знаю, куда девать столы, оставляю, наверное, здесь.

Рида Павловна перешла почти на шепот:

– Ты знаешь, почему тебя прикрыли на самом деле?

Аркадий отрицательно покачал головой.

– У меня муж служит в штабе округа. Ну, в общем, этот... ну, президент вашей бильярдной секты целый год ходил в штаб, жаловался на твой клуб, приносил письма с подписями, с требованием общественности, ветеранов закрыть твое бандитское логово.

Она посмотрела на него, ожидая реакции, но Аркадий слушал отстраненно. Казалось, он находится далеко.

Через год тот самый президент Федерации бильярдного спорта, который так рьяно боролся с «бандитским логовом», открыл бильярдную на том же месте, бесплатно получив столы Аркадия. В отличие от прежнего хозяина, он сразу устроился под бандитскую «крышу», которой при случае бравировал и запугивал, и начал подниматься по служебной лестнице, получая так ему необходимые знаки «почета и уважения» от государства, а также финансирование от как бы частного газового гиганта. В России всегда большой спрос на таких проходимцев.

Аркадий отправился на набережную и прошел по песку к замерзшей Волге.

Глава 6. Кто сорвался, того надо отпустить

Аркадий сидел на лавке, на песке, в двух метрах от воды. На том же месте, только через четырнадцать лет.

Половодье на Волге еще не прошло, по реке плыло много мусора, который мешал рыбачить, цеплял леску. Перед Аркадием два заброшенных спиннинга, на леске колокольчики. Только рассвело, но уже парочка «бегунов от инфаркта», передвигающихся вдоль воды, врезались в его снасти.

– Леска! – крикнул Аркадий очередному доходяге.

Бегун налетел на леску, натянул ее грудью, как марафонец финишную ленточку, колокольчик зазвенел, добавляя эффект победы.

– Ой, ой! Простите, пожалуйста, – испугался бегун болезненного вида, старше шестидесяти.

Он сдал назад, огибая лавку Аркадия, подошел к колышку, за который был привязан садок, и начал тянуть его из воды.

Аркадий повернулся к бегуну.

– Ты что там потерял?

– Вы много наловили? Может, продадите рыбки?

– Беги отсюда!

Любитель здорового образа жизни и рыбки отпустил веревку и как-то кособоко двинул своим путем.

Аркадий улыбнулся, встал, подошел к садку и вытянул его из воды. Достал одну из трех лежащих в нем бутылок «Жигулевского» и снова опустил садок в воду. Подошел к спиннингу, подтянул немного катушкой леску, поправил колокольчик, вернулся обратно, взял из рюкзака металлический термос, открутил крышку, об лавку открыл бутылку, налил пиво. Он пил и наслаждался фантастическими видами.

Зазвонил телефон. Аркадий резко дернулся, достал трубку и поднес к уху.

– Да.

– Привет, Аркашка.

– Привет, Виктор, – удивился Аркадий.

– Разбудил?

– Конечно.

Виктор, плотный мужчина на семь лет старше Аркадия, жил в Детройте, куда перебрался с родителями из Западной Украины еще в пятилетнем возрасте.

– Прости, не мог ждать. Я только что приехал с одной встречи. Есть серьезный человек, который не прочь сразиться крупно в пул²⁶. Ты же играешь в пул?

Виктор стоял у открытого бара и наливал себе виски, прижимая плечом к уху телефон.

Аркадий кивнул, а Виктор, будто видел это, выпил, подождал пару секунд и продолжил.

– Отлично. Так вот, я, когда говорил с ним, заметил красивый бильярдный стол с лампой от Тиффани. Ну и зашла речь о бильярде. Он сказал, что поигрывает на деньги, а я – что в России у меня друг, который его обыграет на любую ставку, и я за него отвечу. – Виктор плотнул еще, язык стал немного заплетаться. – Ну, что ты думаешь? Ответь – и спи себе дальше. Аллёу?

В этот момент один из спиннингов несколько раз сильно дернулся. Колокольчик зазвенел, запрыгал и затих.

²⁶ Пул – игра на небольшом бильярдном столе с широкими лузами и разноцветными шарами.

– Клюет, – Аркадий сказал в трубку и бросил ее на рюкзак.

– Да, вот именно, он клюнул! Бросай всё и прилетай. Хватит спать уже, Аркаша!

Аркадий, привстав на полусогнутых, посмотрел на реку, туда, где леска уходила под воду. Снял колокольчик, положил его в карман, взял леску пальцами, большим и указательным, подержал несколько секунд, сильно подсек, схватил спиннинг и начал крутить катушку, небольшими шагами отходя от берега.

– Сидит что-то хорошее, а сачка нет, – подумал Аркадий.

За несколько метров от берега на поверхности заплескалась рыба. И тут леска ослабла, на берег выпрыгнула стерлядь, не менее трех килограммов, и сорвалась с крючка на песок. Аркадий взял благородную рыбу в руки, нажал на жабры, и рот у той смешно выдвинулся. Он поцеловал стерлядку.

– Плыви, красавица.

И выпустил рыбу в Волгу.

Глава 7. Небесная подводная лодка

Июль 2004 года. Аэропорт Шереметьево-2.

Аркадий и Влад стояли рядом со стойками для заполнения деклараций.

Влад примерно одного возраста с Аркадием. Те же рост, вес, даже русые волосы почти одинаковые. Только лица у них совершенно разные, а волосы Влада немного обесцвечены по последней моде.

– Я подойду, пока он один сидит, – сказал Влад.

– Поближе подкатимся и иди. Маякни, если он согласится.

Аркадий и Влад, толкая аэропортовские тележки с парой громоздких и тяжелых пластиковых чемоданов на каждой, подошли к таможенной стойке. Влад оставил тележку и подошел к стоящему за ней человеку в форме.

– Продолжается регистрация и оформление багажа на рейс SU 106 в Лос-Анджелес, – раздалось в терминале из динамиков.

– Здравствуйте.

– Добрый день, – офицер посмотрел на Влада.

– Мы с другом летим в Лос-Анджелес, у нас с собой медикаменты, пропустите? 200 долларов.

Таможенник повернулся и глянул на чемоданы.

– Нет, сейчас сменяюсь.

Влад вернулся к Аркадию.

– Времени мало осталось. Вон, у этого никого нет. – Аркадий быстрым шагом преодолел метров двадцать, замедлил шаг и спокойно подошел к следующему таможеннику.

– Здравствуйте. Нам с другом надо лекарства провезти родственникам в Америку.

– Куда? – не поднимая головы, спросил таможенник.

– В Лос-Анджелес.

– Ручная кладь? Покажите.

– Нет, четыре чемодана, вон они.

Таможенник посмотрел на тележки и отвернулся.

– Нет.

Аркадий как мог спокойно направился в сторону Влада. Напряжение нарастало.

В служебную дверь входили и выходили работники таможни.

Влад, не говоря ни слова, подошел и остановился неподалеку. Следующему вышедшему таможеннику он просто преградил путь.

– Извините, отвлеку вас на минуту?

Таможенник остановился.

– Что у вас?

– Медикаменты, четыре чемодана. С меня 200 долларов.

– А что там, запрещенное есть что? Наркосодержащие препараты?

– Нет. Валокордин, корвалол, «Лив.52», горчичники – ерунда всякая.

– Страна?

– США.

– А там как? А если тормознут?

– Через «зеленый коридор».

Офицер сделал паузу.

– Через пять минут подойду к стойке 23, будьте там. 300 долларов в паспорте.

Он развернулся и направился к киоскам с сувенирами и сигаретами.

Аркадий и Влад стояли у безлюдной неработающей таможенной стойки, держа наготове документы и декларации. Влад вложил в паспорт 300 долларов.

Подошел таможенник, сел за стойку, что-то нажал. Загорелись лампочки, засиял экран «телевизора», стойка ожила. К ней тут же начали подходить люди с тележками. Подбежала нервная женщина с ребенком.

– Молодые люди, пропустите нас с ребенком, пожалуйста.

Таможенник в это время забирал паспорт у Аркадия.

– Женщина, пойдете следующей, после них.

Он посмотрел на декларацию Аркадия.

– Сколько наличной валюты с собой?

– Девятьсот долларов.

– Точно?

– Да.

Таможенник смотрел на монитор.

– Проходите.

Таможенник отдал Аркадию документы, ловко вынул доллары из паспорта Влада, прибрал их в карман форменных брюк, внимательно рассматривая «начинку» чемодана через монитор.

– Что у вас в багаже? Ручная кладь есть? Ставьте второй.

Влад схватил второй чемодан.

– Личные вещи. Подарки. Вот, одна сумка.

После того, как два чемодана и спортивная сумка Влада выехали из зоны осмотра, таможенник встал и подошел к багажу.

– Откройте сумку.

Влад расстегнул замок. Таможенник покопался в ней и улыбнулся.

– Забирайте, проходите, рыбаки.

Он вернулся на рабочее место и взял паспорт у женщины с ребенком.

У входа в дьюти-фри Аркадий отдал Владу 150 долларов.

– Туши сигарету, а то улетят без нас.

Влад сунул окурочек в стеклянную пепельницу на барной стойке, проходя мимо ирландского паба. По всей длине барной стойки валялись однодолларовые купюры. За стойкой появилась девушка с бейджиком «РАЯ» и начала собирать зеленые бумажки. Уловив удивленный взгляд Влада, подняла на него глаза и улыбнулась:

– Американцы пиво пили, они всегда так чаевыми весь бар забрасывают.

Влад улыбнулся в ответ.

Аркадий и Влад подошли к стоящей за стойкой бортпроводнице перед самым вылетом.

Та обратилась к очереди из пассажиров:

– Предъявляем посадочные талоны и проходим в салон самолета.

Бортпроводница заметила в руках Аркадия чехол.

– Что у вас там?

– Кий, для игры в бильярд.

Аркадий не полностью достал кий и показал бортпроводнице.

– Это надо было сдать в багаж. Давайте его сюда, отдам командиру экипажа, после прилета заберете.

Бортпроводница взяла у Аркадия чехол и положила в тележку, на пакеты из дьюти-фри.

Полет на борту ИЛ-96 проходил спокойно. Пассажиры заканчивали обед, стюардессы собирали посуду.

– Пойдем покурим.

Влад посмотрел на последние ряды, где еще оставалось несколько мест для курения, но народ подтягивался. Мимо Влада прошел известный российский актер, одетый в черную майку с крупной надписью «ОМОН» на спине.

– Вон, этот... не помню фамилию.

Друзья сидели на последнем ряду несколько часов, покуривая и смотря в наушниках фильм «Грозовой перевал», в салоне царил приятный полумрак. Сидящий перед ними актер проснулся, он был слегка навеселе.

– Девушка, принесите любой лейбл, плиз, – обратился актер к стюардессе.

Бортпроводница не услышала, продолжая складывать пледы. Актер встал и, пошатываясь, направился в середину салона. И вдруг его глаза встретились с глазами молодой армянской девушки, которая не отрываясь смотрела на знаменитость. Актер остановился около нее.

– Мы недавно пролетали над Северным полюсом, не желаете отметить такое событие? Узнаем друг друга ближе.

Взгляд у девушки сменился с восхищенного на испуганный, и она опустила глаза. Тут же появился армянин лет пятидесяти, тоже под хмельком.

– Ты что хочешь? Ты мусор, что ли? – армянин надвигался на актера. – Дергай отсюда.

Армянин толкнул актера, тот не стал сопротивляться и отошел на метр.

– Как там в горах? Овцы не мерзнут?

После этих слов поднялся еще один армянин.

– Ну ладно, ладно. Девушка, простите, если я вас чем-то обидел. Господа, спокойно. Вот так люди и остаются холостыми.

– Уважаемые пассажиры, наш самолет начинает посадку. Через 20 минут мы приземлимся в Лос-Анджелесе. Температура в городе плюс 25 градусов. Пожалуйста, вернитесь на свои места и застегните привязные ремни. Спасибо.

Прошло десять минут, и из иллюминаторов открылся красивый вид даунтауна Лос-Анджелеса.

Влад сидел на своем месте с закрытыми глазами и философствовал.

– 12 часов лёта, и мы в другом измерении.

– Измерение везде одинаковое, в баксах, – уточнил Аркадий.

Ил-96 зрелищно сел в международном аэропорту LAX имени Тома Брэдли. Пассажиры двигались к выходу.

Аркадий остановился рядом с бортпроводницей, она удивленно посмотрела на него.

– Ах, да, сейчас.

Она ушла и через полминуты вынесла чехол с кием.

– Вот ваш киль.

Аркадий улыбнулся.

– Можно и так сказать. Спасибо.

– Счастливого пути.

Глава 8. Вас выбрала судьба, пройдите

В зале прилета в аэропорту Лос-Анджелеса друзья направились на паспортный контроль, в бесконечную очередь.

После Влад дождался Аркадия, и они вместе пошли забирать свои чемоданы.

– Сломали колесо, – сказал Влад, снимая чемодан с движущейся ленты.

– Еще бы не сломали, он весит полцентнера.

Они водрузили багаж на тележки и с деланным спокойствием на лице неторопливо пошли через таможенную к выходу, в сторону «зеленого коридора». Аркадий впереди.

Таможенник посмотрел на Влада.

– Сэр, остановитесь, пожалуйста.

Влад сделал вид, что не услышал, и продолжил движение.

Таможенник не отставал:

– Сэр, пройдите, пожалуйста, на досмотр.

Сотрудник рукой показал Владу направление и отошел. Влад развернулся и покорно двинулся к стойке таможенника.

Пластиковые чемоданы были настолько тяжелы, что движущаяся немного вверх лента прокручивалась под ними, и те не двигались с места. Владу пришлось с усилием подтолкнуть их вверх.

Другой таможенник рассматривал багаж через монитор.

– Вы с какого рейса? Откройте чемоданы и сумку, пожалуйста.

– Из Москвы.

Влад открыл первый чемодан, битком набитый медикаментами и откуда немедленно посыпались всевозможные пузырьки, коробки и свертки.

Таможенники остолбенели. Один из них снял фуражку и протер лысину платком. Он начал говорить по рации, и через пару минут к стойке подошел офицер с пронзительным взглядом и вышитой на рукаве рубашки уткой. Офицер обратился к Владу на русском языке с сильным акцентом:

– Что это за медикаменты? Есть ли среди них наркосодержащие?

– Нет, никаких наркотиков. Я везу эти медикаменты русским бедным иммигрантам, чтобы раздать бесплатно.

– Хорошо. Я понял вас. Мы не можем пропустить на территорию Соединенных Штатов эти медикаменты. Мы их сейчас заберем, сделаем проверку, если среди них нет наркотиков, то вы за свой счет отправите их обратно в Россию. Если среди них обнаружатся наркосодержащие вещества, то вам будет официально предъявлено обвинение по перевозке наркотиков. Вам это понятно?

– Да, понятно.

– Сейчас мы пройдем с вами на оформление необходимых документов.

В это время другой таможенник сломал замок у спортивной сумки Влада и достал оттуда две килограммовые металлические банки с черной икрой, пакет с вяленой воблой и передал офицеру.

Офицер перевел взгляд с банок на Влада.

– Что в банках?

– Икра белуги и севрюги.

Офицер снял широкую резинку и открыл банку с икрой.

– Это очень много. Мы заберем икру.

– Это разве много? Выпить да закусить, – Влад даже немного ухмыльнулся.

Офицер тоже немного расслабился.

– Это надо много пить. Как называется эта рыба?

– Вобла.

– Хорошо. Вобла можете забрать.

Мимо «красного коридора», через «зеленый» проходили десятки людей и смотрели на происходящее. Сегодня они будут рассказывать друзьям, как в аэропорту у русского изъяли несколько килограммов дорожной черной икры и битком набитые чемоданы с русскими медикаментами.

Влад забрал из чемоданов одежду, какую-то мелочь, незаметно успел переложить кое-какие препараты подороже, пакет с воблой, и с незастегнутой сумкой двинул за офицером, который ждал около двери.

Глава 9. Изя как классика образа и африканцы в сахаре

На улице, у выхода из международного терминала переминался с ноги на ногу Аркадий. Он уже проводил взглядом всех, кто летел вместе с ними. Последними вышли в обнимку нетрезвые армянин и актер. Армянин что-то рассказывал новому приятелю, а тот бросал сумку на тротуарную плитку и закатывался со смеху. Позади них семенила смуглая девушка, толкая тележку с большим чемоданом.

На лавочке поблизости сидел Изя, больные ноги которого не выдержали такого долгого ожидания. Изе хорошо за семьдесят, он переехал в Лос-Анджелес из Одессы семнадцать лет назад, а теперь встречал Аркадия и Влада. Аркадий вез Изе знаменитые часы Orient с лунным календарем, о которых старик мечтал еще со времен московской Олимпиады, когда впервые увидел японскую диковинку.

Автоматические двери терминала распахнулись, из них с одной расстегнутой сумкой вышел Влад.

– Где твои чемоданы? – спросил он.

– У Изи в машине. А твои?

К друзьям подошел Изя.

– Владик, ты нас так напугал, что произошло? У меня же больное сердце!

Изя немного и смешно картавил.

– Чемоданы у меня отменили на таможне, будут делать экспертизу. Если не найдут наркоты, можно будет попробовать забрать лекарства. Дали мне телефоны, сказали позвонить через неделю. Ну ладно, поехали.

Они перешли через дорогу на парковку, сели в серый лексус и поехали в сторону Западного Голливуда.

Лексус Изи остановился на легендарном бульваре Сансет, у Saharan Motor Hotel, с удобным местоположением, в котором снимался не один великий фильм и где запросто можно было встретить какую-нибудь звезду.

– Изя, сейчас заселимся, я достану часы и лекарства, которые ты заказывал. Подождешь или поедешь? – сказал Аркадий.

– Я вам помогу, куда мне ехать? Дочь с внучкой в Филадельфии. Я подожду.

Чемоданы подкатили к входу на ресепшн мотеля. Изя остался на улице, а Влад и Аркадий зашли оформляться. Они не первый раз останавливались в «Сахаре», поэтому к ним вышел сам хозяин, с улыбкой поздоровавшись с постоянными клиентами.

Через десять минут Влад открыл дверь в номер на первом этаже, а Аркадий притормозил рядом с бассейном с прозрачной голубой водой.

– Ночью поплаваю.

– Привет, ребята! Россия!

– О, Бамако, привет! Как дела? – Аркадий оторвал взгляд от воды.

– Всё отлично!

К ним с улыбкой подошел темнокожий мужчина, неся в руках коробку с черными резными фигурками и масками. Он бережно поставил свою ношу на пластиковый стул, обменялся с друзьями рукопожатиями, забрал коробку и удалился. Как его зовут, Аркадий не знал. Знал только, что на втором этаже несколько предприимчивых ребят из Мали жили уже около года, торгуя африканскими поделками из черного дерева и разъезжая по Калифорнии на стильном минивэне с надписью «AFRICA» вместо номерного знака.

Аркадий сидел на кровати посреди разбросанных коробок с медикаментами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.